

Юрий Егоров

Корабельный Плотник

12+

ЮРИЙ ЕГОРОВ

Корабельный плотник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32539920

SelfPub; 2022

Аннотация

Корабельный плотник Том волей судьбы оказался на краю земли – в Новой Зеландии, в Окленде. Здесь ему через череду драматических событий суждено найти друзей и, как знать, обрести семью. Впрочем, Окленд – совсем маленький город, не то, что Абердин...

ЮРИЙ ЕГОРОВ

Корабельный плотник

Вот скажите: о чём мечтает моряк?

*Вероятно, однажды навсегда вернуться домой на берег,
обрести семью и уют. Провести остаток дней в покое.*

Какие сладкие грёзы! Когда это случается,

он, после многих лет жизни во власти стихии, понимает,

что

его дом там, где море.

Той зимой в Окленд прибыла большая партия европейских колонистов. Город оказался переполнен людьми. Ещё несколько лет назад в этом маленьком посёлке на краю света проживало каких-то сотни три жителей – колониальная администрация, небольшой военный гарнизон, англиканская миссия и десяток торговцев. Теперь город разрастался на глазах. Дома на добрую милю обступили бухту, открылись банки, появилась верфь, заработали мастерские, а после последних рождественских праздников стала выходить первая оклендская газета.

В городе всё шло обычным порядком, но едва наступила весна, как установилась непривычно холодная для этих мест погода. Со стороны моря дул пронзительный ледяной ветер, казалось, что ещё совсем немного – и пойдёт никогда прежде здесь невиданный снег. Из-за сильного шторма в бухте Уаитемата собралось больше десятка кораблей и рыбацких шхун, ожидающих отплытия.

Моряки предпочитали пережидать непогоду в трактирах. Поэтому Джилл, хозяин одного из таких заведений, пребывал в заботах с раннего утра до позднего вечера, только не испытывал радости по поводу прибавления клиентов. В обычное время посетителей собиралось немного, но они не жалели денег и платили исправно. Особой щедростью отличались китобои, возвращавшиеся с промысла. А что теперь? Прибывшие колонисты прижимистые, а матросы, застряв в

Окленде из-за непогоды, целыми днями шатались по городу без дела и средств. В трактир их набивалось много, но Джиллу это добавляло хлопот, но не денег. Заказывали посетители мало и в основном недорогую выпивку, сидели злые и стоило трактирщику на минуту отвлечься, как они исчезали не заплатив. Некоторых приходилось обслуживать в долг без надежды, что они когда-нибудь вернут деньги.

И на городских улицах стало неспокойно. Каждую ночь кого-то грабили. Несколько раз нападали на полицейских. В надежде на восстановление порядка, жители Окленда ожидали прибытия королевского военного флота, но он, по всей видимости, переждал шторм в одном из австралийских портов. Многие лавки закрылись. По вечерам жители города боялись выходить на улицу. И в заведении у Джилла ни дня не обходилось без скандалов, драк и поножовщины.

Вдобавок ко всему проблемы трактирщику создавала непутёвая служанка Джинти, постоянно отлучавшаяся с работы и каждую ночь развлекавшаяся с матросами. Из-за этого не успевала к утру навести порядок на кухне и в зале. Помои из трактира не выносились по нескольку дней. Поэтому всюду расплодились тараканы и, хуже того, завелись крысы, которые совершенно не боялись людей, лезли под ноги и шныряли по всем углам. Того и гляди, твари кого-нибудь напугают, а то и укусят. Заведение, прежде славившиеся чистотой и порядком, стало удручающе грязным и зловонным. Ещё Джинти без всякой оплаты таскала своим друзьям вы-

пивку и закуски, так что трактирщику приходилось считать деньги. Убытки грозили разорением.

Всё это расстраивало Джилла, поскольку он имел репутацию хорошего трактирщика. Аккуратист по природе, Джилл внимательно следил за качеством продуктов и сам хорошо готовил. На весь Окленд славились его мясные блюда, особенно жареный гусь и жаркое из говядины, приправленные разнообразными соусами. Со многими посетителями Джилл поддерживал дружеские отношения, да и хозяева других трактиров его уважали. И хотя заведение располагалось рядом с портом, от него и до «золотой мили», деловой части города, рукой подать, так что сюда заходили не только моряки, но и чиновники с коммерсантами. При умелом ведении дела трактир мог стать самым приличным заведением в Окленде. В их части города с ним конкурировал разве что трактирщик Джордж, который готовил лучший эль в Окленде. И вообще, живи Джилл в Англии, а не в её самой дальней колонии, его судьба сложилась бы иначе. Честный и трудолюбивый он мог сделать карьеру где угодно, но не здесь. В этой части света ценятся другие качества.

В Новой Зеландии Джилл очутился случайно. Прежде служил коком на одном из военных кораблей Северо-Американских соединённых штатов. Наверное, там в окружении иммигрантов из Испании, Италии, Японии и Бог знает каких ещё стран, Джилл обучился поварскому искусству. Волею судьбы довелось ему участвовать в знаменитой экспеди-

ции генерала Скотта 1847 года, осадившей Веракрус во время войны с мексиканцами. Каким-то образом Джилл смог отличиться в боевых действиях и из рук легендарного генерала получил медаль за отвагу.

Трактирщик никогда не рассказывал, что конкретно героического совершил, но медалью гордился и всегда носил её начищенной на своей груди. Вероятно, за это приходившие в трактир матросы его уважали. Неизвестно как сложилась бы судьба Джилла, но несколько лет назад корабль, на котором он служил, налетел на скалы в районе Северного острова. Тогда весь экипаж утонул, и лишь он единственный каким-то чудом избежал смерти и выбрался на берег.

Вот так без денег и работы, с одной лишь медалью на груди, везунчик-кок оказался на самом краю света, в Окленде. Выручило то, что Джилл был видным и симпатичным мужчиной. Большая лысина и полнота его не портили. К тому же он не обладал пороками, которыми с избытком наделены все матросы этой части света – пьянством и непреодолимой тягой к портовым борделям, а напротив – умел работать, и отличался добродетелью. Карими глазами и обходительностью пленил местную трактирщицу. Эта женщина в отличие от него не обладала привлекательной внешностью и вдобавок на восемь лет старше Джилла, но зато такая же чисто-плотная, усердная и порядочная. Они быстро подружились, сблизились и поженились. Джилл не любил свою жену, но старался этого не показывать. Он ценил свою маленькую семью и как человек приличный к супруге относился подчёркнуто уважительно. Их отношения служили образцом порядочности. Впрочем, она долго не задержалась и, спустя четыре года, немного не дожив до своих пятидесяти, покинула этот свет. Надо сказать, что за время совместной жизни Джилл привязался к супруге и чтил память о ней. Её могила на оклендском кладбище считалась самой ухоженной.

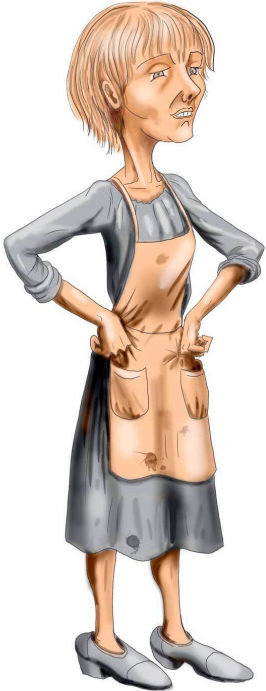
Джилл сумел расширить дело, оставшееся после смерти жены, благо переселенцы непрерывно прибывали в Новую Зеландию, да и китобойный промысел в этих краях находился на подъёме. К трактиру пристроил маленькую гостини-

цу из нескольких комнат и прикупил соседний участок земли для хозяйственных работ. Небольшой трактир, на зависть конкуренту Джорджу, превратился в большое и добротное заведение. Но вот с работниками Джиллу никак не везло. В Окленд приезжали в основном те, кому не нашлось места в Европе. Разными ветрами сюда заносило беглых преступников, мошенников всех мастей, бродяг и прочий сброда. Прислуга у Джилла не задерживалась. Его не раз обворовывали свои же работники, а однажды едва не спалили заведение. Хорошо, вовремя удалось заметить и потушить огонь. Так что все, кого Джилл принимал на работу, отличались плутовством и неряшливостью.

Вот и нынешняя прислуга, Джинти из таких. Спрашивается, какая волна пригнала её в эти края? Эту женщину Джилл взял на работу в трактир лет пять назад исключительно из жалости. У Джинти тогда только что родился Дэви. Трактирщик всё время помогал молодой мамаше, привык к ней и даже одно время подумывал жениться. В Окленде европейские женщины наперечёт, и выбирать особо было не приходилось. Но всё равно, это было великодушием с его стороны. И вот однажды, когда Джилла совсем одолело одиночество, он сделал предложение прислуге. Его не смутили ни её дети от разных мужчин, ни странные привычки, ни плохая репутация.

– Ты что думаешь, что я всю жизнь собираюсь торчать в этом Окленде, да еще в твоём задрипанном трактире? – рас-

смеялась женщина в лицо Джиллу. Джинти не просто отказала, но сделала это в своей привычной манере резко и грубо.

Трактирщик тогда сильно огорчился, но не обиделся. И вообще терпению Джилла следовало позавидовать. Работница из Джинти была никакая, посетителей обсчитывала, грубила, ругалась как заправский матрос, любила крепкое спиртное и вдобавок курила зелье. Совершенно безрассудная особа. При таком хозяине Джинти давно уже могла подняться. Она же вела себя так, что Джилл постоянно задумывался о том, как бы поскорей её выгнать. Только где взять прислугу лучше, рассуждал Джилл, когда хорошие работники здесь, на самом краю света, наперечёт? В Окленде каждый второй – бродяга или преступник.

Жила Джинти при трактире с тремя своими ребятами: девятилетней Эйлс и мальчиками, Дэви, который был младше сестры на четыре года и трёхлетним Томми. Может, если бы не они, Джилл давно без сожаления выставил Джинти на улицу. Более того, после того как родился Томми трактирщик выделил служанке самую большую комнату в доме.

Казалось удивительным, как у такой беспутной мамыши народились столь добрые и прилежные детки? С хозяином и окружающими вежливые, никогда не капризничали. Эйлс вообще умница, удивительно трудолюбивая девочка. Братья, когда оставались одни, тихо играли в своей комнате, а если выходили на улицу, то никогда далеко не отлучались. Глядя на беспутную служанку, Джилл возмущался: как можно не ценить такое счастье?

Джинти и раньше плохо работала, а в последнее время с ней совсем не стало сладу. Служанка постоянно переругивалась с посетителями трактира, притом чаще всего – с самыми приличными, а то и вовсе бросала работу до закрытия трактира и до самого утра шла гулять с матросами. Иногда пропадала надолго. Вот и в этот день, ещё не успели обслужить последнего посетителя, когда Джинти исчезла с одним из своих дружков, которых у неё половина Окленда.

Нынешним ухажёр Джинти – бывший матрос Джон Кларк, имел в Окленде отвратительную репутацию пьяницы и авантюриста. Кто он такой и откуда взялся никто в Окленде не знал. Кларк ничем полезным не занимался и проводил время шатаясь по городу и его окрестностям в поисках, что можно стащить или отнять. Других способов что-то заработать он не знал. В заведение Джилла этот дрянной человек приходил грязный и злой. Каждое его посещение трактира заканчивалось скандалом и дракой. Негодный матрос беспричинно цеплялся к посетителям, требовал бесплатного угощения выпивкой и отпугивал приличную клиентуру, которой дорожил трактирщик. Его поведение стало совсем невыносимым в такое трудное время, когда каждый нормальный клиент был наперечёт.

В добавок ко всему Кларк являлся в трактир в сопровождении дружков, таких же мерзких, как он сам. Больше всего отвращение вызывал Фрэнсис, с изуродованным лицом. В отличие от громалы Кларка, Фрэнсис не вышел ростом и, ес-

ли бы не коренастая фигура, его вполне было бы легко спутать с подростком. В одной из драк Фрэнсису сплющили нос, а через всё лицо – от волос до подбородка краснел огромный рубец от ножа. Как он только не лишился глаза? Будучи самым молодым в этой дрянной компании, Фрэнсис считался самым отпетым бандитом. В Окленде за ним закрепилась репутация убийцы. Его неоднократно арестовывали по подозрениям об участии в различных кровавых злодеяниях, но каждый раз он каким-то чудом выпутывался. Поговаривали, что именно он стоял за громким убийством нескольких маори на окраине города, найденных полгода назад и изнасиловании милой Клэр, учительницы гимназии. Случилось это прошлой весной. Не стерпев позора, несчастная наложила на себя руки...

В трактире Фрэнсис появлялся с большим острым ножом, которым обожал пугать прислугу и посетителей, требуя выпивки. Трактирщик терпел такое поведение из последних сил, мечтая когда-нибудь выпроводить всю эту банду Кларка на улицу, чем бы это ему не угрожало.

В общем, дела в заведении шли плохо и во многом из-за негодной прислуги.

Вот и в этот день, снова увидев оставленные Джинти неубранные столы, Джилл пришёл в ярость, но тут со стороны кухни услышал звон посуды. Оказалось, это малышка Эйлс наводила порядок. Куда после этого делась его решимость избавиться от ветреной работницы? Джилл в очередной раз

пожалел детей. Особенно ему нравилась Эйлс, хрупкая, из-за постоянного недоедания, но при этом приятной наружности светленькая девочка. К тому же очень прилежная и аккуратная. Джилл давно оценил её трудолюбие. Пока мать работала, Эйлс, точно нянька, занималась воспитанием младших братьев, которых очень любила. Девочка их обстирывала и кормила. Когда кто-то из посетителей её чем-то угощал, Эйлс всегда делилась с братьями. А после того, как разошлись посетители, помогала матери убираться в трактире.

– Опять твоя мать ушла с матросами? – не то спросил, не то уведомил её Джилл. – Вот что мне с ней делать, Эйлс?

– Не знаю, господин Джилл. Я сама много раз ей говорила, только ведь никого не слушается, – полные слёз детские глаза смотрели на Джилла.

– Что дальше? Сколько ещё терпеть её выходки? – не успокаивался трактирщик. – Какая она работница?

– Пожалуйста не выгоняйте нас, я всё приберу, – не давая ему продолжить, взмолилась Эйлс, – вы знаете, что без вас мы пропадём. Особенно братья. Они ведь маленькие.

Джилл как-то неопределённо махнул рукой.

«Можно подумать, она большая», – подумал трактирщик про себя. Если бы от него зависело, он забрал бы детей себе, а их мамашу с чистой совестью выгнал на улицу.

Горы грязной посуды стояли на столах со вчерашнего дня. Того и гляди, крысы начнут бегать по столам.

– Ладно, – сказал трактирщик после небольшой паузы, –

Давай, малышка, помогай матери.

Джилл уже собирался закрывать трактир, когда в довершение всех неприятностей этого дня, случилось новое происшествие. Матросы с американской китобойной шхуны, которую невесть как занесло в эту часть Тихого океана, притащили к нему полуживого старого моряка, которого меж собой называли «гробовщиком». Лицо моряка было опухшее, и он не мог говорить, только шевелил губами. Да ещё его трясло как лихорадочного. Любой трактирщик испугался бы даже приближаться к такому, а не то, чтобы позволить привести его в своё заведение. Так и Джилл подумал, что старый больной моряк, чего доброго, занесёт к нему на постоянный двор лихорадку или какую-нибудь заразу похуже, и хотел выпроводить старого моряка на улицу. Но дружки «гробовщика» стали угрожать, что разнесут весь трактир, если он откажется принять их друга. И обещали, что завтра обязательно зайдут его проведать.

Не надеясь получить от постояльца хоть какие-то деньги, Джилл, уже свыкшийся с неприятностями, распорядился поселить его в самую плохую комнату с крошечным окном, напоминающее корабельный иллюминатор. Эта комнатка использовалась в гостиничной части постоялого двора как чулан, в который складывали всякую ненужную утварь. Помимо хлама, в комнатке вмещались лишь плохо отесанный деревянный лежак с грязным тюфяком, наподобие тех, которыми пользуются матросы на кораблях, да тумбочка.

«Чуланчик» быстро освободили от всего лишнего и внесли туда этого больного «горобовщика», бросив его на лежак. Моряк чувствовал себя настолько плохо, что, казалось, не доживёт и до утра. Джилл сделал замечание его друзьям, за то, что положили моряка на живот, но те проявили полное безразличие к его словам. Сам же Джилл прикоснуться к больному побрезговал. Так его и оставили.

2.

Утром объявилась Джинти. Выглядела неопрятно, и из неё не выветрился хмель. На лице служанки Джилл увидел свежие синяки. Руки в ссадинах. Всю ночь женщина прогуляла со своим дружкой, который, вероятно, её побил, что уже не раз случалось прежде. Джинти с трудом сдерживала зевоту, теперь ей очень хотелось спать. При виде изодранной сонной работницы трактирщик едва сдерживал себя от ярости.

– Ты посмотри на себя! На кого похожа? Что подумают посетители, глядя на такую прислугу? – набросился он на Джинти. Но та ничуть не смутилась от гнева своего хозяина. Напротив, смотрела на Джилла с нескрываемым презрением.

– Какие у тебя посетители? «Быки», матросня... – парировала служанка. – Не смей трогать меня... Я устала и хочу спать.

– Это у тебя матросня... И зачем ты нужна, чтобы тебя трогать?

– Нужна...

– Сколько ещё можно терпеть твои выходки? Послушай, Джинти, однажды я выгоню тебя. Ты точно дождёшься этого, – голос Джилла звучал негромко, но угрожающе. – Тогда, наверное, нагуляешься и отоспишься! И отдохнёшь, раз ты так устаёшь!

– Сама скоро уйду от тебя. Мне здесь надоело. Работать на тебя надоело. Вот посмотрю, кого ты после найдёшь на те гроши, что мне платишь. Я уже забыла, как деньги выглядят, – ответила Джинти довольно дерзко, усмехнувшись. Ее острый носик заносчиво устремился ввысь, что особенно раздражало хозяина трактира.

– Деньги? Да ты даже половину не зарабатываешь от того, во что мне обходишься. Давно бы вышвырнул тебя на улицу, если бы не дети. Их жалко! – При всём завидном самообладании Джилл негодовал. Другой на его месте вообще бы стёр в муку это хрупкую фигурку тщедушной служанки.

Только Джинти это совершенно не пробрало, а Джилл не мог успокоиться.

– Ты о детях подумай! Или они тебе безразличны? Малышка Эйлс, пока ты забавлялась с матросами, до утра делала твою работу. Она совсем маленькая. Ей в куклы играть со сверстницами, в гимназию пора поступать, а ты её к грязной посуде. Тебя вообще волнует дочь?

– Не твоё дело. Я скоро уеду из этой дыры в хорошие края, – огрызнулась служанка, продолжая зевать. – Раз ты так заботишься о моих детях, я тебе их оставляю! Своих не имеешь! И не будет никогда, какой ты мужчина? Ха-ха-ха!

– Что такое ты говоришь?!

– А кому ты нужен? С тобой не разгуляешься. Не боец, только деньги считать мастер. Сидишь в своём трактире как паук. Нацепил дурацкую медаль. Подумаешь, важный какой! Прямо герой! Тебя никто в этом городе не уважает. Дрянь, а не человек.

– Ты, видно, совсем с ума сошла, – Джиллу осталось только покачать головой и отступить.

– Думай, что хочешь, но так и будет... Настанет день, только меня ты и видел... У меня самый лучший парень в Окленде. Не то, что ты. Он – настоящий моряк!

– Ты вообще о ком? Об этом матросе швейцарского флота?

– Не знаю уж какого флота, только он по-настоящему любит... Сильный и щедрый.

– Щедрый? Тот, что забыл, как деньги выглядят. Попрошайничает в моём трактире. И ворует.

– Зато у него сердце щедрое. Он умеет жалеть и мне поможет, увезёт в доброе место, где меня никто не обидит. Я ещё стану настоящей леди, – не унималась Джинти, – как моя мать... Красивая такая... в белом...

– Ну, да. Знаю я этого «лучшего» парня. Это он-то те-

бе поможет? Красивой тебя сделает! Ты только на тот свет не угоди с этим своим щедрым дружкой. О его чёрных делишках знает весь Окленд, – Джилл ещё что-то пробурчал под нос и с недовольным видом отправился на кухню готовить омлет на завтрак постояльцам гостиницы. В самом деле, какой смысл бесконечно ругаться с этой негодной пьянчужкой?

На Джинти совсем не действовали его угрозы и предостережения. Для себя она давно всё решила. Скорчив гримасу и показав спине Джилла свой кулачок, женщина ушла к себе в комнату и, как ни в чём не бывало легла отсыпаться.

Джилл не придавал значение словам служанки. Куда и с кем она уедет? Ей вот-вот исполнится тридцать, да и красавицей никак не назовёшь. Скорее наоборот. С жиденькими, точно грязные сосульки, всегда неприбранными волосами, какая-то костлявая и неказистая. В добавок к своей неприглядной внешности ленивая и выпивошка. А рассказывала, что из приличной семьи. И всё же Джилл решил, что как бы там ни было, но без ещё одной помощницы не обойтись. В гостинице при трактире имелись четыре комнаты, не считая чуланной, все были заняты постояльцами, за которыми надо убирать, ещё кормить их и приходящих в трактир посетителей. Работы много. Особенно в эту непогоду, которая установилась в Окленде. И ещё этот новый постоялец добавил забот и переживаний.

Всё утро Джилл прислушивался к происходящему за две-

рю комнаты старого моряка. Заходить к нему не хотелось. Джилл боялся, что эта трухлявая развалина умрёт, уж очень плох был накануне. Трактирщик, как и все нормальные люди, не любил мертвецов, хотя много их пришлось повидать. А этот ещё может оказаться заразным. Но, судя по кашлю и тяжёлым вздохам, которые раздавались из комнаты, старый моряк был жив.

Хождение Джилла вокруг чуланчика не осталось незамеченным. В соседней комнате жила супружеская чета – престарелый нотариус господин Исаак с моложавой супругой госпожой Лиорой. Нотариус ревновал к жене и стал беспокоиться, почему трактирщик постоянно толчётся рядом с их комнатой, так что Джиллу даже пришлось с ним объясняться.

День прошёл как обычно. «Гробовщика» никто не навещал, что неудивительно. Матросы просто так сказали, что проведуют его, а на самом деле хотели просто поскорее избавиться от больного. Кому он нужен? По всей видимости, капитан корабля, на котором служил «гробовщик», из-за боязни эпидемии не захотел дальше держать его у себя, вот и поручил матросам выкинуть куда-нибудь. Хорошо, что те хоть принесли в гостиницу, а то просто сбросили бы в канаву. Сколько раз Джилл видел подобное, когда служил коком на корабле. Пока ты сильный и здоровый, любой капитан хочет заполучить тебя на корабль, но стоит заболеть или состариться, как оказываешься за бортом. И никто не поможет и

не проявит сочувствия. Морская профессия любит крепких людей.

– По крайней мере, этого не выбросили в мешке на корм рыбам. Свою последнюю обитель найдёт в земле, – подумал Джилл.

Во время обеда ему стала помогать Джинти. Не прошло полдня, как пришла в себя. Злая и неразговорчивая, перемывала грязную посуду. Хорошо, что её дружки не объявлялись. Уже ближе к вечеру трактирщик попросил её справиться о состоянии старого моряка. Джинти усмехнулась, но возражать не посмела и так накануне отличилась. Зачем лишний раз злить хозяина?

– Будь осторожней с ним, Джин. Скорее всего, у него лихорадка, – предупредил он служанку.

– Не беспокойся! Моряк бывалый, не такой трухлявый, как кажется с первого взгляда, просто его здорово прихватило. Такое со всеми случается, – заключила она, выйдя из чуланной комнаты, – Больного лучше покормить, а то он, чего доброго, и в самом деле, отдаст концы. По-моему, у моряка не лихорадка, а эпилепсия.

– Ты откуда знаешь такие болезни? – удивился Джилл.

– Я многое знаю, что тебе знать не дано, – в своей резкой манере ответила Джинти.

– Тогда принеси этому горячий бульон с хлебом, – распорядился Джилл.

– Ему поможет крепкий ром, а не бульон, – предположила

служанка, – и побольше. И мне, пока я сама не подцепила какую-нибудь мерзость от таких твоих постояльцев.

– Я вижу, как тебе выпивка помогает. Любого матроса перепьёшь, – Джилл швырнул в сторону полотенце, – а на счет подцепить, ты подумай насчет своего дружка. Как бы он тебя чем-нибудь не наградил.

– Это не твоё дело, с кем мне водить дружбу, – не унималась дерзкая служанка.

– Джин, может хватит? – и, раздосадованный её поведением, Джилл отправился готовить ужин.

3.

Этот и последующий день Джинти время от времени заглядывала в чуланную комнатку и интересовалась здоровьем нового постояльца. Хоть какую-то пользу приносила. Старый моряк кряхтел и кашлял уже не так сильно, так что можно было за него не переживать. На четвертый день после своего появления в трактире он неожиданно вышел из своей комнаты. Случилось это как раз к обеду. Выглядел моряк по-прежнему не лучшим образом, но всё же не столь безнадежно. Уж точно лучше, чем, когда его приволокли в трактир. Во всяком случае, стоял на ногах, и, хотя и с трудом, но мог самостоятельно передвигаться.

Теперь его можно было как следует рассмотреть. Одетый в потёртый и не очень чистый камзол, такие же брюки, а на

ногах – стоптанные сапоги. На первый взгляд ему можно было дать лет шестьдесят или даже больше, но вероятно, так казалось из-за бороды с изрядной проседью, которая его старила. Всё же скорее всего он был лет на десять моложе, чем казался. Высокого роста, под стать Джиллу, даже больше, потрепанный жизнью, но, как и говорила Джинти, достаточно ещё крепкий и мускулистый, с большими мозолистыми руками, изрисованными загадочными чернильными картинками. Лицо моряка состояло из длинных седых густых волос, которые росли отовсюду, даже из ноздрей и, казалось, из рта. Из зарослей выглядывали тёмные живые глаза и большой нос, похожий на картофелину.

– Что это за посудина, кок? – поинтересовался моряк.

– Это трактир Джилла, а Джилл – перед тобой собственной персоной! – строго ответил трактирщик. Он понял сравнение трактира с «посудиной» – так моряки обычно называли корабли.

– Моё имя Том МакКрейг, – с показной гордостью представился моряк. – Я – калабаха с английского корабля «Спай».

– Тогда добро пожаловать в нашу кают-компанию! – смягчившись, шутливо ответил Джилл.

Том МакКрейг обвел взглядом трактир, но, похоже, ничто не привлекло его внимание, разве что внимательно посмотрел на медаль Джилла.

– Значит тоже служил на флоте, кок, – одобрительно ска-

зал старый моряк.

После небольшой паузы и как-то совсем по-другому, менее пафосно, корабельный плотник продолжил, рассказав, что в Окленд приплыл на американской шхуне, и что среди моряков больше известен под именем «Гробовщик». А потом добавил, что какое-то время поживёт в гостинице при трактире, пока не найдёт пристанища поинтереснее, а также что «кубрик», куда его поселили, вполне уютный, так что жаловаться не на что. К немалому удивлению Джилла, корабельный плотник достал из кармана горсть денег, выбрал самые новые монетки из тех, что покрупнее, и отсчитал ему три шиллинга. Когда трактирщик предложил обед и ром, плотник отказался. Взамен попросил крепкого табаку и порцию виски, и тут Джилл обратил внимание на его выдавшуюся клетчатую рубашу, которая лишь ненамного была моложе своего хозяина.

– Понятно, значит шотландец, – решил Джилл.

Не присаживаясь, залпом выпив виски, корабельный плотник неуверенной походкой вышел в город.

– Что значит «калабаха», Джилл? – поинтересовалась Джинти.

– Корабельный плотник.

Со стороны моря дул холодный ветер. Людей на улицах Окленда было мало, и они кутались в свои куртки. Старый

моряк немного постоял у трактира, глубоко вдыхая свежий морской воздух, которым как будто не мог насладиться и, казалось, он набирался сил. Полы его расстегнутого камзола как флаги трепыхались на ветру... Затем тяжёлыми шагами направился в сторону оклендской пристани.

Вечером Том-«гробовщик» вернулся в трактир в сопровождении молодого туземца, который тащил за ним большой металлический сундук с внушительным замком. Сундук был такой тяжёлый, что, когда туземец нечаянно грохнул его на пол, содрогнулось всё заведение. После этого корабельный плотник до самой ночи просидел грустный и молчаливый за столом в трактирном зале. Джинти принесла вкусный горячий обед и несколько раз справлялась: хочет ли он еще чего? Старый моряк отрицательно качал мохнатой головой, вертел в руках ложку, словно раздумывая, стоит ли приступать к трапезе, и каждый раз в последний момент откладывал её в сторону.

– Я принесла жаркое, а он попросил лошадиную шею, – Джинти показала трактирщику на старого моряка.

– И что?

– У нас нет конины!

– Смешай бренди с имбирным элем, Джинти! Это ты многое чего о жизни не знаешь!

– Подумаешь! – огрызнулась служанка.

Но даже заказав «лошадиную шею» «гробовщик» не стал пить, только пыхтел в свою трубку, покуривая адское зелье.

И так и не притронулся к ужину.

Когда Джилл справился о здоровье у нового постояльца, тот ответил куда-то в пустоту: «Они не пустили меня на борт. Окончательно списали на берег. Я больше никому не нужен. Там на корабле уже новый плотник. Его приняли в команду на моё место. Завтра отдадут швартовы, а что я, должен вымачивать якоря?»

Старый моряк не ждал ответа, а трактирщик не нашёл слова сочувствия и лишь пожал плечами, но сделал окружающим жест, чтобы никто не тревожил старого моряка.

К удовольствию Джилла его нерадивая служанка в этот вечер ни с кем не ругалась и прилежно доработала до закрытия заведения, а потом вместе с малышкой Эйлс принялась наводить в трактире порядок, какого давно не было. Заглянув ночью в зал, он с удивлением увидел, как Джинти отскабливает стойку трактира. Джилл ведь уже устал просить её об этом. Стойка так была измазана жиром, что на свету блестела точно лакированная. А тут Джинти как-то неистово увлеклась работой, так, что даже и не заметила присутствия хозяина. Возможно, её усердие объяснялось тем, что, узнав о поисках Джиллом новой прислуги, женщина испугалась за своё место. Трактирщик не стал мешать и тихо вышел из зала.

«Ну и хорошо, что так», – решил он про себя.

Следующим утром в заведении Джилла появилась Раита, молодая, симпатичная девушка-туземка из племени маори. Со времени основания Окленд оставался преимущественно европейским городом, в котором проживали выходцы из британских островов и колоний. Аборигены маори, прежние единоличные хозяева Новую Зеландию держались в стороне от поселенцев. Европейцы также предпочитали с ними не связываться. Так и получалось, что жили они рядом, но раздельно. Туземцы поклонялись языческим богам, их высокие деревянные тотемы можно было встретить по всему Северному острову. Язык маори состоял из сплошных гласных, непривычно для слуха европейцев. К тому же аборигены пели весьма странные, хотя и мелодичные песни.

Это были люди гордые и воинственные. В своё время их ритуальная хака, когда здоровенные мужчины выстраивались в ряд и с дикими агрессивными криками корчили страшные рожи и размахивали руками, наводила ужас на европейцев. Ко времени основания Окленда войны аборигенов с британцами ушли в прошлое. Племена маори заключили с Англией мир и разрешили выходцам с Британских островов свободно жить на своей земле, и воевали они теперь между собой. В Окленде маори селились большими семьями обособленно от европейцев в городских предместьях, в просторных, крытых пальмовыми листьями хижинах. Когда им предоставлялась такая возможность, маори не отказывались

от работы на европейцев и, как правило, шли в услужение – в портовые работники или в услужение.

Недостатка желающих получить место прислуги в Окленде не было. Особенно теперь, когда полгорода пребывало без дела. Каждый день кто-то из приезжих колонистов обязательно заглядывал в заведение Джилла и справлялся, нет ли надобности в работниках. Обычно европейцам отдавали предпочтение. Джилл не страдал расовыми предрассудками, а потом все его последние работники, несмотря на их британское происхождение, оказывались лентяями и мошенниками. Тогда какой в них толк? Или вот Джинти? Поэтому трактирщик решил не отказываться от маори, которые как работники тоже имели не лучшую репутацию среди европейцев: часто опаздывали на работу, ленились и при первой же возможности воровали.

Трактирщик внимательно посмотрел на девушку. Прекрасно сложенная маорийка обладала довольно светлым цветом кожи, так что если бы не несколько широкий нос, то её вполне можно было принять за европейку, итальянку или гречанку. Может, это было бы и хорошо, поскольку среди посетителей заведения могут оказаться те, кто недолюбливает туземцев, и все же виду маорийки Джилл не обрадовался.

«За этой матросы начнут ухлестывать пуще, чем за Джинти», – подумал он про себя.

Молодая красивая девушка выглядела аппетитно. В её густых чёрных волосах красовалась яркая магнолия, что со-

гласно традициям туземцев, означало, что она не замужем. И сама Райта напоминала чудный маорийский цветок. Еще бы такая не понравилась! А что касается нравов маори, то своей распушенностью они хорошо известны.

– Эти люди не ведают греха, европейцы для них как Боги, – рассуждал Джилл, предвидя новые неприятности.

Плавая коком, он много раз высаживался на островах Океании: на Тонга, Ниуэ, Самоа, Маркизах и видел там всякое. Мужья за дешёвые подарки, иногда за пару бусин, носовой платок или самое никчёмное малюсенькое зеркальце, отдавали своих жён и дочерей матросам на утеху, и те, бывало, жили на корабле по несколько дней, пока не надоедали команде. У всех этих островитян было своё очень вольное отношение к морали.

Раиту сопровождал отец, довольно шуплый, что несвойственно местным туземцам, и более смуглый, чем дочь. Одежды по-маорийски

в юбку из травянистых волокон и смотрелся такой гость в трактире весьма экзотично. Лицо у мужчины было какое-то неправильное и неприветливое. Особенно бросалось в глаза его тело от лба до живота расписанное замысловатыми татуировками. Раита выглядела по-другому. С больши-

ми чёрными глазами, правильными чертами лица и вообще весьма привлекательная. Бедра Раиты опоясывала какая-то яркая цветастая материя, а высокую грудь прикрывала легкая накидка, сверху которой имелось ожерелье из небольших белых ракушек. Несмотря на прохладную погоду, оба они пришли босыми. Никто из них не говорил по-английски, а Джилл не понимал маорийского языка.

Отец Раиты стал сразу требовать деньги и выпивку, тыча пальцем сначала себе в ладонь, а затем на бутылки, и сложно было понять, в качестве кого он предлагает дочь: женщины или служанки. И то правда, многие маорийцы имели репутацию ужасных пьяниц. Джилл раздумывал: не отказаться ли от услуг молодой маори, тем более, что ему совершенно не понравился отец, но всё же молодость и красота Раиты подкупили немолодого трактирщика.

«Выгнать всегда успеется»,— решил он.— «А то, что девочка такая экзотически красивая привлечёт новых клиентов, раз у меня, как у Джорджи, нет чудесного эля!»

Джилл согласился принять туземку на работу, определив ей место для ночлега в небольшом коридорчике позади кухни. Спать там неудобно, но маори неприхотливы. Место открытое, что тоже хорошо: всегда будет на виду. Так Раита и осталась в трактире.

Джинти приняла новую работницу в штыки. Она обзывала её «глупой обезьяной» и гоняла так, что можно подумать, это она хозяйка трактира, а не Джилл. Раита не понимала

оскорблений и показывала завидное терпение и послушание, может потому, что действительно принимала Джинти за хозяйку и жену Джилла. Однако несколько раз пыталась защититься, когда Джинти набрасывалась на неё с кулаками, а однажды даже запустила тарелкой с супом. Со стороны могло показаться, что это кошка гоняется за мышкой. Райта была не только привлекательна, но и очень пластична, так что каждый раз ловко уворачивалась от «старшей прислуги», как себя стала звать Джинти. Правда, Райта совершенно не понимала, что такое означает: «старшая прислуга».

В один из дней Джинти подкараулила Райту на кухне и попыталась ногтями исцарапать ей лицо. Туземку спасло то, что это увидел Джилл и оттащил от неё злощую «старшую прислугу». После этого сделал Джинти самое строгое внушение, только она его, как всегда, проигнорировала. Другой раз Джинти из-за какого-то пустяка вступила в яростную баталию с новой работницей, но положение спас пастор Джон, молодой настоятель оклендского собора, заглянувший в трактир. Как это ни странно, Джинти уважала пастора и не стала устраивать скандал на его глазах. Пока она услужливо обслуживала священника, Райта успела спрятаться и конфликт удалось погасить.

Джилл стал думать, что может, действительно, Джинти необходимо рассчитать, при всей его жалости к детям. Она никогда не была хорошей работницей, но тут стала совершенно неуправляемой, словно сошла с ума. Чего доброго,

ещё приколошит эту маорийку, и ему придется разбираться с её родственниками. Те потребовали бы от Джилла большой денежный выкуп, как здесь было принято в подобных случаях, а может бы даже убили. Люди они непредсказуемы. Кто скажет: что у них там на уме?

– И в самом деле, почему я должен думать о детях Джинти? – рассуждал Джилл, – рано или поздно их мать обязательно принесёт беду. Я с таким трудом наживал добро не для того, чтобы в один день потерять всё из-за какой-то оборванки.

При том, что Джилла одолевали грустные мысли насчет Джинти, его всё больше успокаивала Раита, которая хотя и была несколько флегматична и неумела, как и все маори, и почти ничего не понимала по-английски, но ходила по пятам за «мистером», как она стала звать своего хозяина, и отличалась дружелюбием по отношению к посетителям. Улыбалась и говорила хотя и непонятные слова, но красивые. К тому же, в отличие от Джинти, никуда не отлучалась, всегда находилась рядом, и вела себя вполне целомудренно. И всё же Джиллу постоянно приходилось поглядывать за ней, чтобы оградить юную маори от назойливых приставаний со стороны посетителей, которые пытались, к дикой ревности Джинти, то ущипнуть её, то усадить к себе на колени, то поцеловать. При том, что сама Раита никаких поводов к такому отношению не давала.

В общем Джилл обрёл помощницу, но забот от этого

меньше не стало.

5.

Последующие несколько дней не принесли значительных изменений в жизнь города и трактира. Погода не улучшалась, матросы по-прежнему слонялись по городу без денег, а в трактире «старшая прислуга» гоняла «прислугу младшую». Малышка Эйлс, выполняя различные поручения Джилла, всё больше времени проводила на кухне. К радости трактирщика, Джинти охладела к своим мерзким друзьям, и похоже, нашла утешение у старого корабельного плотника, в чуланчик к которому стала постоянно заходить, и где проводила немало времени. Иногда Джинти приносила старине Тому что-нибудь поесть, какой-нибудь пирог, могла угостить порцией эля, но чаще заходила без всякого повода. Выяснилось, что они земляки и жили когда-то в Шотландии, в Абердине, городе на берегу Северного моря. Правда, когда Том покинул Шотландию, Джинти ещё не родилась. Тем не менее, каким-то чудом, там в Абердине, по их воспоминаниям городе большом, как Эдинбург или даже Лондон, у них нашлось несколько общих знакомых. Они даже жили, хоть и в разное время, но недалеко друг от друга – в портовой части города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.